

DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-188-195-202
УДК 93

Социальное призрение детей во время Первой мировой войны

Алексей Игоревич ЧУБАРОВ¹, Павел Петрович ЩЕРБИНИН²

¹ОБУК «Курский областной краеведческий музей»

305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Луначарского, 6

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7828-2306>, e-mail: chubar1991@mail.ru

²ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>, e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Social charity of children during the First World War

Aleksei I. CHUBAROV¹, Pavel P. SHCHERBININ²

¹Kursk Regional Museum of Local Lore

6 Lunacharskogo St., Kursk 305000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7828-2306>, e-mail: chubar1991@mail.ru

²Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>, e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена деятельность государственных, общественных и благотворительных организаций, направленная на оказание помощи детям нижних чинов, призванных к мобилизации, и несовершеннолетним беженцам. Приведен краткий анализ эволюции оказания помощи детям в Российской империи с момента принятия Устава о всеобщей воинской повинности в 1874 г. до начала Первой мировой войны 1914 г., во время которой, наряду с учреждениями, зарекомендовавшими себя ранее, помощь детям стали оказывать организации, обязанные своим появлением военным событиям. Рассмотрены основные направления помощи несовершеннолетним в изучаемый период: выдача постоянных пособий и единовременных выплат, создание постоянных приютов и сезонных яслей, организация начального и трудового воспитания. Приведены данные о социальной поддержке детей-сирот в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. как на общероссийском, так и на губернском уровне, что позволяет оценить варианты и возможности оказания помощи таким детям бедды. Результаты изучения заявленной научной проблемы позволили выявить и оценить не только возможности социального государства в Российской империи начала XX века, но и яркие страницы земской поддержки, благотворительные инициативы провинциальных меценатов, социальное служение различных представителей городского и сельского социумов. Военная повседневность, словно лакмусовая бумажка, обозначила наиболее типичные проявления социальной поддержки детей-сирот в императорской России начала XX века, а также элементы гражданской инициативы, общественной самоорганизации различных представителей населения страны. Были уточнены этноконфессиональные возможности социальной поддержки солдатских детей, а также организация работы земледельческих приютов, детских яслей и других социальных организаций и структур.

Ключевые слова: Российская империя; социальное призрение; призрение детей; Первая мировая война

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00333 а.

Для цитирования: Чубаров А.И., Щербинин П.П. Социальное призрение детей во время Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 188. С. 195-202. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-188-195-202

Abstract. We examine the activities of state, public and charitable organizations aimed at providing assistance to children of lower ranks, called for mobilization and underage refugees. We conduct a brief analysis of the evolution of assistance to children in the Russian Empire from the moment of the adoption of the Charter on Universal Military Service in 1874 to the outbreak of the First World War in 1914, during which, along with institutions that had established themselves earlier, organizations that owe their the appearance of military events began to provide assistance to children. The main directions of assistance to minors during the studied period are considered: the issuance of permanent benefits and lump sum payments, the creation of permanent shelters and seasonal nurseries, the organization of primary and labor education. We provide data on social support for orphans during the First World War of 1914–1918 both at the all-Russian and at the governorate level, which makes it possible to assess the options and possibilities of rendering assistance to such troubled children. The results of the study of the stated scientific problem made it possible to identify and evaluate not only the possibilities of a welfare state in the Russian Empire of early 20th century, but also bright pages of zemstvo support, charitable initiatives of provincial patrons, social service of various representatives of urban and rural societies. Military everyday life, like a litmus test, outlined the most typical manifestations of social support for orphans in imperial Russia of early 20th century, as well as elements of civil initiative and social self-organization of various representatives of the country's population. The ethno-confessional possibilities of social support for soldiers' children are clarified, as well as the organization of the work of agricultural shelters, nurseries and other social organizations and structures.

Keywords: Russian Empire; social charity; charity of children; First World War

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-09-00333 a.

For citation: Chubarov A.I., Shcherbinin P.P. Sotsial'noye prizreniye detey vo vremya Pervoy mirovoy voyny [Social charity of children during the First World War]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 188, pp. 195-202. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-188-195-202 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Институт сиротства существовал в Российской империи как в военные, так и в мирные годы. В стране к началу XX века сложилась особая специфическая система государственных, религиозных и частных воспитательных, образовательных, профессиональных учреждений, занимавшихся призрением, воспитанием, социализацией и трудовым обучением детей-сирот. Войны, в которых участвовала Россия, привели к значительному развитию и расширению военного сиротства. В работе будут раскрыты особенности социального призрения и поддержки детей нижних воинских чинов в период Первой мировой войны 1914–1918 гг., а также роль и значение сложившихся к этому времени в российском государстве институтов опеки.

Заметим, что впервые вопрос об опеке над детьми солдат в Российской империи был поднят после принятия в январе 1874 г. Устава «О всеобщей воинской повинности». Фактически, государство, с одной стороны, подготавливало на случай войны обученный резерв, с другой – стало разрабатывать варианты социального призрения семейств запасных нижних чинов, которое должно было

осуществляться на основании специально разработанного Особого о них Положения. Однако данный документ так и не был подготовлен к первой военной кампании после принятия закона о всеобщей воинской повинности, то есть до военных действий на Балканах.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был принят временный закон об обеспечении семей нижних чинов ежемесячным продовольственным пайком (пособии) или денежными средствами для их приобретения на земские и городские власти. На одно призреваемое лицо ежемесячно полагались мука (1 пуд 28 фунтов), крупа (10 фунтов) и соль (4 фунта). Предусматривалось также и субсидирование местных органов власти в том случае, если их бюджеты были ограничены¹. Однако практическая реализация данного закона в Российской империи в конце XIX – начале XX века вскрыла и ряд существенных недостатков. Во-первых, стоит отметить незначительность денежных

¹ О введении всеобщей воинской повинности // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. Отд. 1. Спб., 1876. С. 7.

средств, выделяемых местной властью на обеспечение нуждающихся семейств солдат. На практике это приводило к тому, что размер выплачиваемого пособия отличался в разных уездах одной губернии. Только значительные ассигнования Государственного казначейства позволили решить эту проблему во время Русско-японской войны. Во-вторых, были выявлены юридические коллизии, которые частично были устранены. Так, семейства солдат, которые «выступили в поход» со своей частью, стали призреваться наравне с семьями мобилизованных. Однако в законодательстве не были четко прописаны особенности и критерии уровней семейного и имущественного положения, на основании которых и происходило назначение продовольственного пособия. Тем не менее закон о призрении семей солдат в военное время, изначально носивший статус Временного, просуществовал в Российской империи 35 лет.

Важно учитывать, что в мирное время обеспечение семьи солдата возлагалось на его ближайших родственников. В феврале 1891 г. в суд Шептуховской волости (Львовский уезд Курской губернии) солдатка Н.В. Пузанова жаловалась на деверя О.К. Пузанова. Согласно материалам дела, осенью 1890 г. ответчик выгнал истицу с ребенком из дома и отказался их содержать. О.К. Пузанов согласился выдавать девочке ежемесячно $\frac{1}{2}$ пуда муки. Н.В. Пузанова требовала 1 пуд в месяц. Суд согласился с требованием истицы. Кассационная жалоба ответчика была отклонена².

После поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. ввиду значительного количества нареканий на работу органов местной власти, отвечающих за обеспечение семей мобилизованных, правительство приступило к пересмотру существовавшего законодательства. Обобщение имеющегося опыта привело к принятию закона «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» от 25 июня 1912 г. Согласно ему, список продуктов в пайке был незначительно расширен. Теперь на 1 призреваемое лицо, помимо прочего, стали выплачивать деньги на покупку 1 фунта постного масла в месяц. Однако малолетние дети (до 5 лет) отныне

стали получать только половину нормы, полагавшейся взрослому.

До Первой мировой войны 1914–1918 гг. в Российской империи имелись многочисленные благотворительные организации, которые провозглашали своей целью заботу о детях-сиротах, оставшихся без попечения родителей, и т. д. Начавшаяся Первая мировая война вывела проблему опеки детей на новый уровень. С первых дней конфликта массовая мобилизация мужского населения поставила перед государством ряд вопросов, не предусмотренных текущим законом. Поэтому для разрешения возникающих вопросов и налаживания взаимодействия между властью и обществом был сформирован «Комитет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также раненых и павших воинов». Его председателем стала Елизавета Федоровна, вдова великого князя Сергея Александровича, брата Александра III. Комитет подчинялся «Верховному Совету по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов».

Следует отметить, что это была структура, которая объединяла правительственную, общественную и частную благотворительность под эгидой монаршего благоволения [1, с. 159].

Одной из самых важных социальных проблем Первой мировой войны, возникшей перед Комитетом, стала проблема военного сиротства. Местным властям было рекомендовано оставлять детей в семьях, «предпочитая ясли или другие аналогичные приспособления устройству приютов»³. Это было связано с тем, что после мобилизации глав семейств матери были вынуждены искать дополнительные источники заработка, оставляя детей без присмотра [2].

Выборка из дел по установлению опеки и попечительства за 1914–1917 гг. по Суджанскому уезду Курской губернии дает представление о реализации правительственной рекомендации. При мобилизации или гибели отца сельскими сходами опекунами над детьми назначались ближайшие родственники. После мобилизации крестьянина В. Ревина крестьянское общество д. Красный клин Большесолдатской волости опекуном над его 10-летней дочерью назначило ее те-

² ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 66. Оп. 1. Д. 3247. Л. 1-4, 7-7об.

³ ГАКО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 86. Л. 74об.

тю⁴. В 1916 г. новосороченское общество Новоивановской волости определило попечителем над двумя девочками их родного деда. Их отец погиб на войне в 1915 г., а мать умерла в 1916 г.⁵

В некоторых местностях местные власти, исходя из имеющихся средств, выплачивали дополнительные пособия на обеспечение сирот воинов. В г. Обоянь Курской губернии городской управой выплаты полагались детям, находящимся на опеке у родственников. Земство Новооскольского уезда Курской губернии сиротам и полусиротам нижних чинов платило надбавку к пайку, полагающемуся по закону от 1912 г.⁶

Однако в некоторых случаях, по просьбе отцов, детей помещали в детские приюты. Так, ефрейтор 237-го Грайворонского пехотного полка К.К. Ряпалов, уроженец Лисичанской волости Грайворонского уезда Курской губернии, ходатайствовал об размещении его дочерей в приют. Его дети были устроены «в убежище для детей лиц, призванных по мобилизации» на ул. Золотой в г. Курск⁷.

Призванный по мобилизации Я.М. Твердохлебов, из крестьян Грайворонского уезда, просил устроить 5 его малолетних детей. Младшие были приняты в детский приют г. Хотмыжск, старший сын остался на родине, где должен был изучить сапожное дело⁸.

Мобилизация мужского населения способствовала увеличению числа беспризорников. Мальчики-подростки в возрасте 12–16 лет, до объявления войны служившие подмастерьями или находившиеся в услужении, оставшись без дела, бросали место своего постоянного жительства, шли в ночлежки, где начинали общаться с преступными элементами. Так же на путь беспризорности вступали мальчики, сбегавшие из дома после мобилизации отцов или старших братьев⁹. Война способствовала увеличению потребности в детских приютах. Ответы на запросы от Елизаветинского комитета о необходимости создания в регионах убежищ для призрения солдатских детей были разные: «нет необхо-

димости», «отсутствуют денежные средства», «сирот и полусирот воинов нет»¹⁰.

Несмотря на имеющиеся трудности, в Тамбове за 1915 г. было открыто 9 яслей и приютов. В 50 губернских отделениях Комитета существовали приюты для детей мобилизованных [3, с. 90]. Кроме этого, на средства Елизаветинского комитета и его местных отделений содержались детские сады [4, с. 153].

Романовский комитет, образованный в 1913 г. в честь 300-летия императорского дома, оказывал непосредственную помощь учреждениям, в которых содержались крестьянские дети. С началом Первой мировой войны организация, помимо финансирования уже существовавших учреждений, занималась открытием новых. Так, к 1915 г. Романовским комитетом было образовано 16 общежитий при начальных училищах и 18 детских приютов. Средства организации были направлены на расширение деятельности 130 приютов, которые призвали 5,6 тыс. несовершеннолетних, около 8 тыс. детей мобилизованных нижних чинов получали в них горячую пищу, теплую обувь и одежду. Были выделены средства на именные стипендии для 225 сирот погибших воинов и детей призванных по мобилизации. К 1917 г. под покровительством Романовского комитета находилось 45000 детей в 770 детских учреждениях.

В Российской империи первые ясли появились благодаря земству еще в конце XIX – начале XX века, но массовым этот способ призрения детей стал во время Первой мировой войны [5]. Следует все же заметить, что в 1914–1917 гг. земство не смогло своевременно отреагировать на потребность общества в детских учреждениях. Именно поэтому острота проблемы пристрастия к детям в городской и сельской местности частично решалась посредством образования при монастырях приютов и яслей. По распоряжению Тихона, архиепископа Курского и Обоянского, в г. Курск на пожертвования духовенства города были открыты «ясли для детей, отцы коих были на фронте, а матери с утра на работе»¹¹. Необходимо отметить, что такая форма опеки детей в городах носила посто-

⁴ ГАКО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 61. Л. 2.

⁶ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10708. Л. 607; Ф. 171. Оп. 1. Д. 86. Л. 132, 135.

⁷ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10708. Л. 33, 36.

⁸ Там же. Л. 79, 80.

⁹ Отчет Петроградского общества Воспитательно-исправительных приютов за 1915 год. Пг., 1916. С. 25.

¹⁰ ГАКО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 86. Л. 96, 140, 142.

¹¹ Курские Епархиальные ведомости. 1915. 1–8 сент. № 33–34. С. 587–588.

янный характер, а в сельской местности – сезонный. Так, в Купринской волости Корочанского уезда Курской губернии на время весеннего сева 1915 г. при церковно-приходской школе были открыты ясли. За детьми в них наблюдал священник¹². В Тамбовской епархии в 1915 г. в приходах были созданы 55 яслей, в которых принимали и мальчиков, и девочек в возрасте 1–8 лет. Всего в них находилось 2113 детей. На их содержание было потрачено 3454 руб. [6, с. 24]. Необходимо отметить, что фактически яслей было гораздо больше, чем указывается в официальных отчетах, поскольку во многих местах они возникали стихийно, по инициативе самих крестьян или местной интеллигенции (учителей и врачей).

Детей запасных нижних чинов, призванных на войну, также готовили к дальнейшей трудовой жизни. Для них открывались специальные вакансии или назначались стипендии в различных учебных заведениях. Сельская ремесленная учебная мастерская г. Старый Оскол Курской губернии предоставила бесплатное обучение и содержание 10 детям. Еще 40 могли рассчитывать на бесплатное общежитие. В Курске рассматривался вопрос обучения мальчиков старше 12 лет садоводству и огородничеству¹³.

Необходимо отметить, что на начальном этапе Первой мировой войны наблюдался рост дамских комитетов (кружков) – женских общественных организаций, которые сыграли заметную роль в благотворительном движении и в столичном регионе, и в провинциях. Как правило, дамские кружки ограничивали свою деятельность определенным видом деятельности, беря на себя заботу о той или иной категории нуждающихся. Например, в 1915 г. в Тамбове был образован дамский комитет, который занимался обучением ремеслам детей мобилизованных нижних чинов. На его средства были открыты сапожная столярная и переплетная мастерские. В Воронеже дамским комитетом при двух госпиталях были организованы бесплатные столовые, в которых ежедневно получали горячую пищу до 450 солдаток и их детей. Помимо этого, на средства организации был

создан приют для сирот, чьи отцы были убиты на фронте, а матери либо умерли, либо не могли самостоятельно содержать детей¹⁴.

Учитывая аграрный характер экономики Российской империи, правительство в 1915 г. приняло закон «О земледельческих приютах для детей увечных и павших воинов». Они создавались для «призрения, трудового воспитания и обучения... детей увечных и павших воинов, в возрасте не свыше 17 лет». При поступлении в них круглые сироты имели преимущество перед остальными¹⁵.

В Курской губернии интерес к данному закону проявили земства Курского и Щигровского уезда. Было принято решение поделить обучающихся на возрастные группы: младшую (7–8 лет), среднюю (8–12 лет) и старшую (13–17 лет).

Однако в законодательстве остались неотрегулированными некоторые важные положения организации и деятельности земледельческих приютов. Так, в нем не говорилось о дневном распорядке, методах обучения и воспитания. Именно поэтому Курское губернское земство так и не смогло дать на этот счет уездным земствам конкретные указания. Было принято лишь решение избрать специальную комиссию, на которую была возложена обязанность разработки основных условий организации земледельческих приютов¹⁶.

Еще одним фактором, оказавшим влияние на социальное призрение детей воинов, стало массовое переселение населения западных губерний Российской империи вглубь страны. Практически с самого начала боевых действий в центральные губернии страны стали прибывать беженцы: и взрослые, и дети. Уже к октябрю 1914 г. в Московской губернии были зарегистрированы 86 детей-беженцев из Гродненской губернии [7, с. 62]. Однако массовое перемещение населения началось летом 1915 г. К октябрю 1915 г. прифронтовые регионы покинуло более 750 тыс. человек, более 60 % из них составляли дети.

¹⁴ Воронежский телеграф. 1916. 20 нояб.

¹⁵ Об учреждении земледельческих приютов для детей увечных и павших воинов и об утверждении положения о сих приютах // Левин С.М. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Пг., 1916. Т. 2. С. 180.

¹⁶ Журнал заседания LI очередного курского губернского земского собрания 1915–1916 гг. Курск, 1916. С. 839–843.

¹² Курские Епархиальные ведомости. 1915. № 33–34. 1–8 сент. С. 585.

¹³ Центральный исторический архив Москвы. Ф. 113. Оп. 1. Д. 76. Л. 435.

Значительное число беженцев направлялось в Москву и Петроград.

В отличие от взрослых, дети тяжело переносили дорогу – смертность среди малолетних беженцев в возрасте до 10 лет была в 4 раза выше, чем смертность у их сверстников из «оседлого» населения. Немало детей в дороге отстали от своих родителей, либо вообще лишились родственников. Такие дети оказывались в различных приютах общественных и благотворительных обществ, находили кров у частных лиц и в войсковых частях.

М. Бьюкенен, дочь английского дипломата, работавшая в это время сестрой милосердия в Петрограде, вспоминала: «У Варшавского вокзала в наспех выстроенных бараках ютились мужчины, женщины и дети. Здесь можно было видеть маленьких детей, матери которых умерли в дороге, родителей, потерявших своих детей, и очень много людского горя и слез. Все беженцы были в ужасном состоянии: многие женщины потеряли рассудок, дети были в лохмотьях, и многие из них умирали от недостатка пищи и заботы о них» [8, с. 79]. В Киеве практически каждый день подбирались десятки детей, оставших от своих родителей. Аналогичная ситуация была в Москве. На крупных железнодорожных узлах и на небольших промежуточных станциях, через которые следовали эшелоны с беженцами, стали возникать питательные пункты и ясли-приемники, которые принимали потерявшихся детей. Затем их направляли в приюты и карантин. Только в одном Киеве за два месяца (сентябрь–октябрь) 1916 г. в ясли-приемники было направлено более 500 несовершеннолетних беженцев.

Беженцы находились в ведении учрежденного в сентябре 1914 г. Комитета под председательством великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет). Он находился на правительственном субсидировании, но некоторый капитал приносили сборы пожертвований и частные взносы. Отделения Комитета были открыты в 61 губернии Российской империи, в которых были беженцы.

Помимо Татьянинского комитета, помощь беженцам оказывали Всероссийский союз городов (ВСГ) и Всероссийский земский союз (ВЗС) – общественные организации, обязанные своим появлением Первой

мировой войне. В июле 1915 г. ВСГ и ВЗС объединились в Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов (Земгор). В Земгоре был сформирован специальный отдел по устройству беженцев, который разработал специальную форму регистрации потерявшихся детей. Это в дальнейшем позволило публиковать списки найденных несовершеннолетних беженцев. Всего в этих списках оказалось более 11000 детей, как правило, попавших в приюты, основанные губернскими земствами.

Значительное число погибших солдат уже в первые месяцы Первой мировой войны вызвало рост количества детей-сирот. Алексеевский главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией в начале сентября 1914 г., принял решение о том, что сироты нижних чинов, погибших в текущую войну, подлежат опеке Комитета наравне с детьми солдат, умерших во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Помимо постоянных пособий, Алексеевский комитет выплачивал приятым под его покровительство сиротам единовременные пособия на приобретение учебных принадлежностей, одежды и обуви. На средства Комитета открывались ясли, приюты и столовые для детей мобилизованных солдат и несовершеннолетних беженцев.

Можно выделить основные направления социального призрения детей в Первую мировую войну. Особое внимание уделялось не только организации пребывания детей в приютах, но и их проведению с ними учебных занятий. В тех местностях, где наблюдалась острая нехватка в учреждениях подобного рода, сирот или потерявшихся малолетних беженцев могли поместить в крестьянскую семью. При этом расходы принимающей стороной покрывались из сумм различных комитетов. Вполне естественно, что из-за трудностей военного времени многие детские заведения не соответствовали санитарным и иным нормам. Более того, не всегда воспитатели имели соответствующее их должности образование.

Вторым направлением социального призрения необходимо отметить денежные выплаты, полагающиеся детям как по закону от 25 июня 1912 г., так и от различных общественных и благотворительных организаций.

Они предназначались и для покупки продовольствия, и для приобретения теплой одежды и обуви, оплаты съемного жилья, обучения и т. д.

Помимо денежных выплат, и государственные комитеты, и общественные организации организовывали столовые и питательные пункты для семей нижних чинов и беженцев. Создавались даже специальные столовые для детей. Самым маленьким дополнительно выдавалось молоко.

Государственная политика в области призрения детей солдат в конце XIX – начале XX века окончательно оформилась к началу Первой мировой войны. Однако недостаток финансов на местах и отсутствие необходимого количества не всегда позволял реализовывать необходимые мероприятия по отношению к солдатским детям. Тем не менее в рассматриваемый период впервые отмечено складывание государственно-общественной системы обеспечения сирот и полусирот воинов: от выдачи казенного пайка и назна-

чения опекунов до организации яслей и специального обучения.

Ухудшение экономической, военной и политической обстановки не позволило в полной мере решить вопросы обеспечения солдатских детей-сирот. После Февральской революции 1917 г. многие начинания были свернуты, а система социального попечения и опеки подверглась серьезной деформации и слому.

Более того, многие традиции и опыт социальной адаптации детей-сирот, сложившиеся в Российской империи, были безвозвратно утрачены и становились не востребоваемыми в эпоху революционных катаклизмов как в столице, так и на уровне провинции [9]. Да и самих детей-сирот, чьи отцы погибали в период гражданской войны, становилось все больше, а беспризорность захлестнула многие регионы России. Детское сиротство, таким образом, только разрасталось, и уже новому советскому правительству пришлось принимать экстренные меры для смягчения положения «детей беды».

Список литературы

1. Щербинин П.П. «Пустите детей ко мне...»: «дети беды» и попечительство до и после 1917 года. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2018. 370 с.
2. Афанасьев Г.Е. Введение к беседе на тему «Дети и война» // Дети и война: сб. ст. Киев, 1915. С. 1.
3. Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004. 189 с.
4. Щербинин П.П., Чубаров А.И. Дети-сироты в столичном и провинциальном социуме в начале XX в.: правовые реалии и повседневная жизнь. Тамбов: Принт-Сервис, 2019.
5. Шкунова И.А., Щербинин П.П. Ясли-приюты как особая форма социального попечения в Тамбовской губернии в начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 184. С. 136-145. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-136-145
6. Дорожкина О.А. Сиротство в России: историко-педагогический анализ. Тамбов, 2000. 50 с.
7. Микиртичан Г.Л. Организация помощи детям в годы Первой мировой войны // Российский педиатрический журнал. 2014. Т. 17. № 4. С. 61-64.
8. Алексеева И.В. Агония сердечного согласия. Л., 1990. 317 с.
9. Шкунова И.А. Историографические традиции в изучении «детей беды» в контексте детского сиротства в Российской империи и Советской России в первой трети XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24. № 182. С. 272-282. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-272-282

References

1. Shcherbinin P.P. «Pustite detey ko mne...»: «*deti bedy*» i *popечitel'stvo do i posle 1917 goda* [“Suffer the Children to Come unto Me...”: “Children of Misfortune” and Patronage Before and After 1917]. Tambov, Derzhavinsky Publishing House, 2018, 370 p. (In Russian).
2. Afanasyev G.E. Vvedeniye k besede na temu «Deti i voyna» [Introduction to the conversation on the topic “Children and war”]. *Deti i voyna* [Children and War]. Kiev, 1915, p. 1. (In Russian).
3. Matveyeva N.L. *Blagotvoritel'nost' i imperatorskaya sem'ya v gody Pervoy mirovoy voyny* [Charity and the Imperial Family during the First World War]. Moscow, 2004, 189 p. (In Russian).

4. Shcherbinin P.P., Chubarov A.I. *Deti-sirotы v stolichnom i provintsial'nom sotsiume v nachale XX v.: pravovyye realii i povsednevnyaya zhizn'* [Orphans in the Metropolitan and Provincial of Early 20th Century: Legal Realities and Everyday Life]. Tambov, Print-Servis Publ., 2019. (In Russian).
5. Shikunova I.A., Shcherbinin P.P. Yasli-priyuty kak osobaya forma sotsial'nogo popecheniya v Tambovskoy gubernii v nachale XX veka [Nurseries as a special form of social care in the Tambov Governorate in the early 20th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 184, pp. 136-145. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-136-145. (In Russian).
6. Dorozhkina O.A. *Sirotstvo v Rossii: istoriko-pedagogicheskiy analiz* [Orphanhood in Russia: Historical and Pedagogical Analysis]. Tambov, 2000, 50 p. (In Russian).
7. Mikirtichan G.L. Organizatsiya pomoshchi detyam v gody Pervoy mirovoy voyny [The organization of health care for children in the years of the First World War]. *Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal – Russian Pediatric Journal*, 2014, vol. 17, no. 4, pp. 61-64. (In Russian).
8. Alekseyeva I.V. *Agoniya serdechnogo soglasiya* [Agony of Heartfelt Consent]. Leningrad, 1990, 317 p. (In Russian).
9. Shikunova I.A. Istoriograficheskiye traditsii «detey bedy» v kontekste detskogo sirotstva v Rossiyskoy imperii i Sovetskoy Rossii v pervoy treti XX veka [Historiographical traditions in the study of “children of misfortune” in the context of orphanage in the Russian Empire and Soviet Russia in the first third of the 20th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 272-282. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-272-282. (In Russian).

Информация об авторах

Чубаров Алексей Игоревич, старший научный сотрудник. Курский областной краеведческий музей, г. Курск, Российская Федерация. E-mail: chubar1991@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7828-2306>

Щербинин Павел Петрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Щербинин Павел Петрович
E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Поступила в редакцию 14.07.2020 г.
Поступила после рецензирования 11.08.2020 г.
Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the authors

Aleksei I. Chubarov, Senior Research Worker. Kursk Regional Museum of Local Lore, Kursk, Russian Federation. E-mail: chubar1991@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7828-2306>

Pavel P. Shcherbinin, Doctor of History, Professor, Head of UNESCO of Human Rights and Democracy Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Pavel P. Shcherbinin
E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Received 14 July 2020
Reviewed 11 August 2020
Accepted for press 25 September 2020